

ДОКЛАДЫ И ЛЕКЦИИ

А.А. Лазаревич

ФИЛОСОФИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕЕ ФУНКЦИИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – кандидат философских наук, директор ИФ НАН Беларуси. Институт философии НАН Беларуси. 220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, стр. 2; e-mail: a.a.lazarevich@gmail.com

Отмечая следующие возможности для дальнейшего развития философии на постсоветском пространстве – сохранение национальной академической философской школы с учетом характерного для нее способа мышления, необходимость преобразовать само построение философского процесса в координации с решениями конкретных задач социальной практики (не столько «обосновать», «осмыслить», сколько экспертно «оценить», «дать прогноз») или повышения прикладной значимости философского знания (вплоть до прямой коммерциализации), автор приводит примеры реализации соответствующих схем в европейский континентальной, англо-американской манерах философствования и сравнивает их с ситуацией Белоруссии. Рассмотрены функции философии применительно к процессам современной социальной модернизации, которая в философско-гуманитарном ключе предстает как комплексная программа обновления всех структурных компонентов общества и предполагает системные качественные изменения в научно-технической и культурно-образовательной политике, в организации производства и системе управления, в общественном сознании и образе жизни людей. Показано, что на горизонте современной философии и гуманитарной науки в целом возникает нетрадиционная задача, условно обозначенная в статье как проект «Нового Просвещения». Его цель – возродить просветительские идеалы прошлых веков на базе нового прочтения гуманизма, идеала гармоничной креативной личности, ценностей экологического сознания и системно-синергетического взгляда на мир.

Ключевые слова: постсоветская философия, национальная философская школа, национальная культура, социальная модернизация, социально-гуманитарные технологии, «Новое Просвещение»

Об истории академической философии в постсоветские годы можно говорить, используя различные понятия. Выражаясь сдержанным языком науковедения, это период смены парадигмы философствования, обновления методологических ориентиров и совпавшей с ними институциональной пе-

* Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного в Институте философии РАН на Международной научной конференции «Философия в публичном пространстве» 20 ноября 2014 г.

рестройки. Используя обороты научно-ведомственной отчетности, это время реформ, направленных на повышение результативности и практической эффективности работы. Если вооружиться острой фразой публициста, это период неоконченной борьбы за существование философских школ. Но есть еще язык, которым коллега обращается к коллеге, знакомый – к знакомому и другу. Говоря на этом языке, мы проживаем время поисков смысла философствования в новой культурной ситуации, оптимальной формы существования философского факультета, философского института в постсоветской социокультурной среде.

Осмысливая прошлое, размышляя о будущем философии

Эти поиски сами по себе богаты драматическими поворотами и дают обильную почву для размышлений. Теория философской самоидентификации, наука институционального выживания уже почти заслужила право быть выделенной в самостоятельную философскую дисциплину, у которой есть свой понятийный аппарат, свои ценности и даже своя библиография – книги, такие как «Наш философский дом», написанный учеными Института философии РАН¹, или минское издание «Источник и символ самосознания культуры»². Но главное – накоплен обширный опыт существования и развития философской науки в постсоветском обществе, ее участия в проектах реформирования научной сферы и формировании пространства социальных инноваций. Этот опыт заслуживает изучения, обсуждения с коллегами, а в конечном счете претворения в язык организационно-методологических принципов и правил.

Философии в постсоветском обществе пришлось столкнуться с целой серией вызовов. Помимо организационных, социальных, культурно-мировоззренческих осложнений, возникли (и остаются заметными на сегодняшний день) и сугубо философские вызовы.

Они связаны, во-первых, с необходимостью для каждой национальной философии обрести себя в глобальном философском контексте рубежа XX–XXI веков, с учетом существования в нем как минимум двух разнонаправленных векторов концептуальной динамики: европейской континентальной и англосаксонской парадигм философствования. Легко проследить, что «открытие миру» всех постсоветских философий, включая национальные философские школы стран социалистического блока, проходит именно в русле выбора между двумя конкурирующими парадигмами и преодоления связанных с этим внутренних теоретико-методологических конфликтов и противоречий.

Во-вторых, возникает необходимость найти себе место не только в глобальной системе универсалий цивилизации, но и в системе национальной культуры и идеологии, в каждом случае своей. Постсоветская философия неожиданно для себя, утратив подчеркнуто возвышенную академическую позицию, аподиктичность и безальтернативность, находит себя на стыке противоречий либерального общественного развития, на перекрестке традиционалистских и модернизационных моделей социальной динамики. Ситуация усложняется еще и тем, что на уровне общественного сознания отсутствует адекватное понимание теоретической и практической значимости философской науки.

¹ Наш философский дом. М., 2009.

² Источник и символ самосознания культуры. Минск, 2011.

В-третьих, особым вызовом для восточноевропейских философий становится столкновение с восточными традициями мышления, которые часто не являются философскими в европейски-рационалистическом понимании этого слова, но претендуют занять ту же мировоззренческую и нравственно-этическую нишу, а также с множеством форм паранаучного, религиозно и мистически мотивированного мышления. Философия не может игнорировать эти мыслительные практики, но столь же недопустимо для нее и отождествление с ними.

История философии в постсоветском обществе интересна прежде всего, с точки зрения практик организации научного процесса, накопления и трансляции знаний и профессионального опыта. В условиях методологического плюрализма, нечеткости критериев принятия той или иной идеи, теории, философского течения в академической среде и доступности международных каналов общения важно не только то, над чем именно работают философы, но и на кого ссылаются, с кем обсуждают написанное, в какой аудитории излагают свои наработки.

Философское научное учреждение в постсоветском обществе существует в рамках своеобразного треугольника разнонаправленных сил притяжения. Это, во-первых, императив сохранения национальной академической философской школы (и для многих стран, в силу исторических причин, это практически совпадает с понятием «советская школа»), с учетом характерного для нее способа мышления, понятийного аппарата. Последние воплощают европейский континентальный (а еще точнее, немецкий классический) способ философствования, а соответственно, задают формат «классического» университета или научно-исследовательского центра, подобного когда-то знаменитому Франкфуртскому институту социальных исследований. Вторая сила связана с необходимостью преобразовать само построение философского процесса в координации с решениями конкретных задач социальной практики, а это задачи не столько исследовательские («обосновать», «осмыслить»), сколько экспертные («оценить», «дать прогноз»), что с долей условности можно обозначить как англо-американский способ философствования, для которого характерен способ организации по модели «фабрики мысли». Наконец, третий аттрактор – задача повышения прикладной значимости философского знания (вплоть до прямой коммерциализации), которая начинает рассматриваться как важнейший критерий успешности научного института.

Равнодействующую этих трех сил найти сложно, и каждое философское учреждение на постсоветском пространстве вынуждено решать эту специфическую задачу по-своему. Для Республики Беларусь актуален тот путь, который связан с использованием наследия философской мысли и эвристики актуального философского знания в интересах методологического обеспечения процессов социальной модернизации, выработки действенных социально-гуманитарных технологий в сфере науки, образования, патриотического воспитания, социальной работы, социализации и гуманизации информационных и других новейших технологий.

Модернизация общества и задачи философии

Ключевое слово здесь – именно «модернизация». Данный феномен не обделен вниманием специалистов самых различных научных дисциплин. Вместе с тем «внутринаучный» разговор о модернизации зачастую не прино-

сит того теоретического результата, который хотелось бы получить. Как ни парадоксально это прозвучит, эксперты «слишком хорошо друг друга понимают». Ведя разговор о стратегии модернизации, можно сослаться на целый спектр концепций, являющихся общим достоянием социально-философской мысли. Но когда тема, долгое время обсуждавшаяся в экспертных кругах, становится частью более широкого общественного мнения, вскрывается и некоторая условность внутринаучных соглашений по поводу интерпретации отдельных понятий, и недостаток общественного понимания специфики, целей и ценностей обсуждаемого процесса. В полной мере это относится и к понятию и явлению модернизации. Их трактуют весьма по-разному, нередко смешивают с другими понятиями (в частности, с «инновационным развитием», «трансформацией общества»). А то и вовсе обесценивают как самостоятельную сущность (по принципу «ничто не ново» или же «любое прогрессивное развитие и есть модернизация»).

Разумеется, едва ли следует «принимать на веру» модернизацию как императив и нисколько в нем не сомневаться. Но справедливо и то, что сомнения относительно понятия модернизации и способов его употребления, сложившиеся внутри экспертного сообщества, транслируясь в широкое общественное сознание, дают эффект недоумения и даже неприятия. Модернизация, когда о ней заявляют как о лозунге, должна нести мобилизирующую функцию, координировать общественные силы для достижения четко сформулированных целей. Но когда существует непонимание либо превратное толкование, о мобилизации говорить сложно. Альтернативный путь – это общественный консенсус по части модернизации, исходящий из понимания необходимости и неизбежности перемен. Такого рода консенсус сродни как раз идее «прагматической», т. е. рационально принятой, веры, которая принадлежит перу американского философа Ч. Пирса. Но в этой связи тем более очевидна потребность в широком диалоге о целях и критериях модернизации, в котором должны принять участие и государство, и наука, и система образования, и бизнес, и общественные организации.

Есть все основания отнести модернизацию к числу тех сущностных факторов общественного бытия, которые обретают актуальность и оказывают реальное воздействие на социокультурные процессы намного «чаще», чем становятся предметом широкого обсуждения. Модернизацию, очевидно, не стоит понимать просто как отдельно взятое историческое событие или серию событий. Скорее она представляет собой особое *качество* или *общую цель* этих событий. Модернизация «работает», даже когда о ней не говорят напрямую, она может рассматриваться как имманентный признак восходящего цивилизационного процесса.

В своей известной работе «Модерн – незавершенный проект» немецкий философ Юрген Хабермас говорит о том, что ценность «модерна» как анти-тезы «традиционному», «древнему» впервые артикулируется еще в риторике христианской церкви V века н. э. С той поры идея модерна, в которой заключены взаимодополнительные смыслы – «обновления», т. е. преодоления старого, и «осовременивания», т. е. приведения в соответствие насущным потребностям сегодняшнего дня, – с высокой периодичностью придавала динамизм европейской культуре. Можно говорить о множестве отдельных фактов модернизаций: глобальных (таких, как прокатившиеся по всему западному миру аграрная, а затем индустриальная революция) и локальных (как петровские реформы в России); преимущественно косметических (таких, как реформы Мэйдзи в Японии XIX века) и глубинных, приведших к формированию нового социаль-

но-экономического уклада (социалистическая революция в Российской Империи и ряде других государств); успешных (индустриальный рывок Китая и государств Юго-Восточной Азии в последней четверти XX века) и неудачных («перестройка» и «ускорение» в Советском Союзе).

Уже в 1950–60-е гг. XX века в Советском Союзе были заложены основы современного инновационного потенциала в освоении космоса, в авиастроении, атомной промышленности, ракетостроении, в производстве подводных лодок, многих других видов вооружений. Международный резонанс этих достижений был настолько велик, что в ряде передовых государств мира активно стали учить русский язык в ожидании будущего «советского чуда».

В начале 1970-х годов в советской науке была предпринята грандиозная по своим масштабам попытка собрать лучшие умы страны и, опираясь на науку, путем мозгового штурма найти на основе НТП выход для преодоления застойных явлений. Началась работа над Комплексной программой НТП на 20 лет. В ходе разработки этой программы была проделана большая аналитическая работа, которая помогла решить многие междисциплинарные проблемы научно-технического развития.

Однако главный вывод был неутешительным: вследствие невосприимчивости существующей в то время экономической системы к достижениям НТП, из-за отсутствия конкуренции отечественных производителей на внутреннем и мировом рынках в условиях дефицита, по причине стагнации консервативно-идеологизированной системы управления отставание оказалось неизбежным. Страна медленно скатывалась к экономическому кризису, который впервые проявился во второй половине 1980-х годов в форме массового обрушения коэффициента использования производственных мощностей во многих технологически не связанных между собой сферах деятельности, а вскоре развился в экономическую и политическую депрессию, завершившуюся распадом СССР.

Общей чертой всех этих и многих других примеров является то, что, во-первых, необходимость обновления выступает объективной предпосылкой любой модернизации; во-вторых, следует подчеркнуть, столь важно чувствовать ритм времени («спонтанно обновляющейся актуальности духа времени» – в соответствии с формулой Ю. Хабермаса)³ и целенаправленно формировать потребность в обновлении, опирающуюся на самосознание и ответственность человека, лидирующей социальной группы или общества в целом как носителей культуры и ценностей новой эпохи. В этом плане все модернизации хотя и строятся на различной технологической базе, имеют много общего с точки зрения их мировоззренческого, социально-психологического и организационного оформления.

Модернизация на постсоветском пространстве – это не просто совершенствование тех или иных компонентов общества, а его широкомасштабное динамичное преобразование, которое подчиняется законам взаимообусловленности и синергии своих подсистем. Перед ней стоит по-особому амбициозная задача: найти способ, чтобы синтезировать эффективность управленческой вертикали и взращивание низовой инициативы, формальные критерии социально-экономического прогресса и стохастичность инновационного творчества, «сухие цифры» целевых показателей и свободу предпринимательской активности.

Принципы модернизации в полной мере реализуются там и тогда, где совершенствование экономических процессов и коммуникаций приводит к прогрессивному изменению форм социальной общности, укреплению досто-

³ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // *Вопр. философии*. 1992. № 4. С. 41.

инства личности, расширению возможностей ее самореализации, повышению качества жизни в целом. Этому должны соответствовать особые требования, предъявляемые к субъекту этих процессов – «модернизированному человеку». Плановая подготовка молодых людей к жизни в условиях высокотехнологического информационного общества – одна из важнейших задач системы образования, а ее ценностно-мировоззренческая, теоретико-методологическая поддержка «лежит на плечах» гуманитарной науки, прежде всего – философской.

Важная особенность социальной модернизации, о которой нельзя не упомянуть, – это ее противоречивые взаимоотношения с культурно-цивилизационной матрицей модерна. Большинство постсоветских обществ демонстрирует сложную композицию черт доиндустриального, индустриального и формирующегося постиндустриального уклада. Однако едва ли можно поспорить с тем, что в основе своей они представляют собой примеры реализации матрицы модерна на местной экономической и культурной почве. Модернизация здесь – не столько путь к состоянию модерна, сколько стремление его превзойти. Однако это не означает, что за словом «модернизация» скрывается «постмодернизация» в инглегартовском понимании. Мы видим здесь сложный комплекс социальных практик как догоняющего, так и опережающего характера, черт западного и восточного, «либерального» и «консервативного» типов модернизации.

По сути, этот комплекс не имеет решения в пределах одной социальной доктрины и даже одного типа научной или политико-экономической рациональности. Сложности явления должна отвечать достаточно гибкая и высокоэвристичная теория. Адекватный ресурс методологической гибкости для нее может предоставить только философское знание.

О значении философии для общества

Философия относится к изначальному типу рационального освоения мира и в этом смысле составляет предысторию науки, ее концептуально-методологический фундамент, способ самосознания и утверждения. Вся история науки свидетельствует о тесной и плодотворной ее связи с философским мышлением, выступающим неотъемлемым элементом познания мира, научного творчества и поиска истины. Наука, таким образом, сама указывает на ценность и значимость философского метода как интегрального способа формирования представлений о мире, его познания. В этом смысле вполне надуманными являются дискуссии о противопоставлении ценностей философии и науки, поляризации их сфер социальной активности.

Самодостаточность философии не в том, что она имеет свой собственный предмет исследования, свой понятийно-категориальный аппарат, свои закономерности развития. О состоятельности и исключительной важности философии скорее нужно судить по фактической неспособности других форм духовно-культурной практики целостно ассимилировать накопленный человеческий опыт и выходить – это следует особо подчеркнуть – за его пределы.

Философию нередко обвиняли в «оторванности от жизни», принципиальной и притом специально подчеркиваемой внепрактичности. Однако это далеко не всегда так. Философское знание по традиции сотрудничает с конкретно-научным знанием и даже знанием вненаучным, практико-рецептурным, когда последние сталкиваются с методологической неопределенностью

(«какой результат нам нужен?»; «каким путем его достичь?») либо встают перед моральными дилеммами («имеем ли мы право на?...»). Для поиска выхода из этих дилемм у нас есть и инструментарий системного анализа и моделирования, и метод отнесения к ценности, и опора на тысячелетний опыт социума, кристаллизованный в национальных традициях и общечеловеческой культуре, что позволяет выстраивать и укреплять особые «духовные мосты» между ценностями надындивидуального порядка – гуманистическим мировоззрением, нравственно-этическими идеалами, осознанными целями общественного развития – и сознанием каждого отдельного человека.

«Инновационное развитие современной науки основывается на преодолении дисциплинарных рамок, на сотрудничестве специалистов различного профиля, теоретиков и практиков, – пишет академик НАН Беларуси, философ Д.И. Широканов. – Когда заходит речь о поиске концептуальной “площадки”, на которой все участники этого диалога могут встретиться на условиях равноправия, взаимопонимания, то взор вольно или невольно обращается к философскому знанию – историческому источнику и понятийному базису всех современных дисциплин. Более того, именно философия позволяет вести понятийно выверенный, рациональный разговор о целях научно-технического прогресса, о нравственных, эстетических идеалах и ценностях общественного развития, о месте человека – не только его разума, но и его эмоций, верований, воли, – в системе современных знаний и технологий»⁴.

Наличие обозначенного арсенала позволяет выделить, в частности, следующие задачи, стоящие перед философией в постсоветских обществах.

– *Обоснование новых направлений научно-технологического развития* по модели междисциплинарного синтеза (вектор интеграции наук) и трансдисциплинарной организации научного процесса (вектор развития «научо-практики»).

– *Стратегическое планирование ключевых направлений инновационной политики*, проектирование инновационных сред и инфраструктур, в особенности там, где стоит задача интеграции инженерно-технической и гуманитарной рациональности, в дисциплинах, концентрирующихся вокруг фигуры человека и множества изменений его бытия – логико-когнитивных, психологических, духовных, медико-биологических и др.

– *Формирование гуманитарной культуры личности* – субъекта креативного класса и основного проводника экономики знаний. Социализация научных знаний и технологий – методические разработки для информационно-образовательной работы, популярных изданий, тренингов для различных категорий людей, направленных на планомерную подготовку к жизни в условиях высокотехнологичного информационного общества. В фокусе здесь и те, кто только начинает жить, и пожилые люди, которым новая техника и технологии могут помочь творчески реализовать себя, и люди с ограниченными возможностями, для которых тем самым открывается новая полнота жизни.

– *Совершенствование и внедрение в общественную жизнь механизмов «практической философии»* в сфере управления коммуникациями, прикладной конфликтологии, образовательно-воспитательной деятельности, коррекционной работы, предупреждения и преодоления социальных девиаций, работы с пожилыми людьми и гражданами, нуждающимися в особой социальной защите и др.

⁴ Широканов Д.И. Обретение смысла, или О судьбах академической философии // Веды. 2012. № 20. С. 6.

– *Преодоление негативных эффектов модернизации*, таких как детрадиционализация культуры и дегуманизация мировоззрения, атомизация социальных субъектов, политико-религиозная радикализация, отчужденность и безразличие, а также другие черты, характерные для одномерного общества и одномерного человека.

– *Осуществление многоаспектной экспертизы* (нравственной, семиологической, эстетической, культурологической, религиоведческой) важнейших направлений и форм общественного и культурного развития, массовых коммуникаций; мониторинг общественного мнения и настроений в обоих важнейших изменениях общественного пространства: «традиционном» и электронно-сетевом.

– *Деятельность в сфере методологии обеспечения гуманитарной безопасности* государства и региона как интегральной характеристики общественного сознания и социальных отношений, своего рода «культурного иммунитета», позволяющего со сравнительно небольшими издержками преодолевать общественные кризисы. Гуманитарную безопасность следует рассматривать как сверхаддитивную сумму элементов, обозначающих факторы риска: информационная, духовно-идеологическая, социально-демографическая, социально-экологическая безопасность.

– *Разработка стратегии и механизмов осуществления политики межгосударственной интеграции*, включая согласование векторов (континентальный европейский, евразийский, региональный и др.) и каналов реализации (политико-экономическое, научно-образовательное, культурное сотрудничество, формирование трансграничных информационно-ценностных пространств, общая политика исторической памяти и др.).

– *Функция, которую можно обозначить словами «включение в глобальную систему страновых имиджей»* – позиционирование национального государства не только как экономического агента, но и как субъекта глобальной истории и культуры (последнее, в свою очередь, является важной предпосылкой субъектности геополитической).

Все эти задачи нашли отражение в современной стратегии деятельности и развития Института философии НАН Беларуси. Эта стратегия прокладывается в особом «трехмерном пространстве». Его измерения – это, во-первых, европейские и мировые тенденции актуальных философских исследований; во-вторых, нуждающиеся в теоретическом решении проблемы социокультурного развития белорусского общества; в-третьих, приоритеты, связанные с повышением междисциплинарной и научно-практической значимости философских разработок. Одной из наших задач является тесное взаимодействие с органами государственной власти, с реальным сектором в деле экспертно-методологического обеспечения административной и хозяйственной деятельности, общественного информирования, кадровой работы. Другая задача – взаимодействие с исследовательскими учреждениями естественно-научного и технического профиля в сфере научной эвристики, методологии научного поиска, синтеза гетерогенных исследовательских программ и процедур в интересах конвергентных человекомерных научно-технологических инициатив. Трудно не согласиться с В.Г. Гороховым, который отмечает, что «бурный прогресс конвергентных технологий ставит по-новому многие старые философские проблемы и выдвигает на первый план целый ряд методологических, социальных, когнитивных и т. п. вопросов, решение которых требует высокого философского уровня, т. е. должно проводиться с участием профессионалов в этой области. И сама философия не может существовать

без активного взаимодействия с развивающейся наукой. Поэтому философы, особенно философы науки и техники, обязаны в тесной кооперации и диалоге с учеными-специалистами осмысливать вновь возникающие философские проблемы в научно-технической сфере»⁵.

На протяжении последних десяти лет деятельность Института философии НАН Беларуси носит не только фундаментальный поисковый характер, но и развертывается в области разработки комплекса современных социально-гуманитарных технологий – интеллектуального продукта, основанного на преобразовании философско-гуманитарного знания в методологические ориентиры, рецепты и критерии эффективности практической социальной работы.

Разрабатываемые Институтами философии социально-гуманитарные технологии могут быть условно разделены на группы: исследовательские, образовательные и экспертные.

Технологии первой группы воплощаются в программах междисциплинарных исследований, работе методологических семинаров. Обширный пласт нашей работы составляет изучение историко-философского наследия Беларуси. Начавшись со сравнительно частных проектов, таких как издание многотомника «История философской и общественно-политической мысли Беларуси», на сегодняшний день эта работа приобрела более стереоскопичный ракурс, охватила историко-культурное, религиозное и собственноручное наследие, предстала как реконструкция всего комплекса интеллектуальной культуры белорусского народа в ее исторической динамике.

Вторая группа технологий нацелена на обновление содержания и методов философско-гуманитарного образования, а также распространение актуальных философских и методологических знаний в парадигме «образования через всю жизнь». Сотрудниками института разработано немало учебных пособий и курсов. За последние два года при институте открылись три вузовско-академических подразделения, включая перспективную кафедру-лабораторию социально-гуманитарной экспертизы в сфере науки и образования. Под эгидой института плодотворно разрабатываются вопросы методологии научного познания, техники и психологии инноваций. В 2012 году создано специальное научно-практическое подразделение – Центр управления знаниями и компетенциями, специалисты которого решают задачи создания поисково-творческой среды на предприятиях, перспективного управления профессиональным развитием работников.

Наконец, технологии экспертной группы реализуются через разработки в области обеспечения гуманитарной безопасности, которые востребованы в университетской практике, в деятельности ряда министерств и ведомств.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы еще раз отметить, что модернизация в философско-гуманитарном ключе предстает как комплексная программа обновления всех структурных компонентов общества, предполагающая системные качественные изменения в научно-технической и культурно-образовательной политике, в организации производства и системе управления, в общественном сознании и образе жизни людей. Особое значение в этом процессе имеют два фактора – творчество (новации) и механизм востребованности и со-

⁵ Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии. Материалы круглого стола // *Вопр. философии*. 2012. № 12. С. 12.

циализации его результатов. Для реализации их потенциала нам необходимо сформировать особую креативную среду в обществе, задействовав энергию молодежи и опыт людей старшего поколения, знания специалистов, потенциал науки и гуманитарного образования.

В осуществлении данной модернизационной стратегии ключевое значение будет иметь новое научное знание, что особым образом актуализирует роль фундаментальной науки. Мир будущего – это высокотехнологичный мир. Реализовывать повестку модернизации в таком мире без развитой научной и гуманитарно-культурной базы попросту невозможно.

Образно говоря, на горизонте современной философии и гуманитарной науки в целом возникает новая грандиозная задача, огромная неисследованная земля. Условно обозначим ее как проект «Нового Просвещения». Его цель – возродить просветительские идеалы прошлых веков на базе нового прочтения гуманизма, идеала гармоничной креативной личности, ценностей экологического сознания и системно-синергетического взгляда на мир. Эту задачу можно обозначить и более простыми словами. Прежде всего сделать все, чтобы заново научить современного человека мыслить. Не «соображать» и «подсчитывать», а именно мыслить. Мыслить не штампами, не по фиксированному алгоритму, а через понимание процессов и явлений, выстраивание собственного отношения к ним. Мыслить не «вообще», а современно, критически, с нацеленностью на то, чтобы улучшить жизнь – свою, своих близких, своего государства, всего человечества. Мыслить не как абстрактная особь человеческого вида, а как гражданин своей страны, наследник и носитель национальной культуры, учитель и воспитатель для своих детей – какими мы хотим их видеть. В этом и результируется роль философии как носителя национальной и общечеловеческой культуры, посредника в диалоге цивилизаций, государств, поколений и эпох.

Список литературы

Источник и символ самосознания культуры / Отв. ред. А.А. Лазаревич. Минск: Белорусская наука, 2011. 380 с.

Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии. Материалы круглого стола / В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, И.Ю. Алексева, В.И. Аршинов, В.Г. Горохов, Д.И. Дубровский, Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко // *Вопр. философии*. 2012. № 12. С. 3–23.

Наш философский дом (Институт философии РАН) / Отв. ред. М.Н. Громов. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 528 с.

Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Пер. с нем. А.Б. Григорьева // *Вопр. философии*. 1992. № 4. С. 40–52.

Широканов Д.И. Обретение смысла, или О судьбах академической философии // *Веды*. 2012. № 20. С. 6.

Philosophy in post-Soviet society and its functions as related to the process of social modernization

Anatoly Lazarevich

Director of the Institute of philosophy of the NAS of Belarus, PhD. 220072, Surganova Str. 1/2. Minsk, Republic of Belarus. E-mail: a.a.lazarevich@gmail.com

Within the post-Soviet space there remain three possible ways for the development of philosophy, i.e. conserving the national academic schools with their typical modes of reflection, transforming the philosophical process in order to adapt it to the specific tasks of social practice (not only to ‘substantiate’, ‘understand’, but above all to ‘assess’ and ‘predict’), finally, promoting the practical utility of philosophical knowledge and even making it a commercially sound undertaking. In the present paper, the author gives the examples for the implementation of each of the aforementioned strategies in continental and Anglo-American philosophy and compares their situation with that in Belorussia. He then brings into consideration the functions of philosophy in relation to the processes of social modernization, which from a philosophical perspective appears to be a comprehensive programme of renovation of all structural elements of the society involving systematic, qualitative change in the politics of science and technology as well as that of culture and education, in industrial engineering and control systems, in public conscience and the way of life. What is further suggested is that contemporary philosophy and humanities in general are faced with an unconventional task tentatively labelled here as the project of a New Enlightenment. The aim of such a project would be to restore the enlightenment ideals of past centuries combined with a new understanding of humanism and creative personality, with the values of ecological conscience and synergetic view of the world.

Keywords: post-Soviet philosophy, national school of philosophy, national culture, social modernization, social-humanitarian technology, ‘new enlightenment’

References

Gromov, M. (ed.) *Nash filosofsky dom* [Our Philosophical Home. The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2009. 528 pp. (In Russian)

Habermas, J. “Modern – nezavershenny proekt” [Modernity: An Unfinished Project], trans. by A.B. Grigorieva, *Voprosy filosofii*, 1992, no 4, pp. 40–52. (In Russian)

Lazarevich, A. (ed.) *Istochnik i simvol samosoznaniya kultury* [The Source and Symbol of Self-Consciousness of Culture]. Minsk: Belaruskaya Navuka Publ., 2011. 380 pp. (In Russian)

Lektorsky, V., Pruzhinin, B., Alexeeva, I. et al. “Konvergentsiya biologicheskikh, informatsionnykh, nano- I kognitivnykh technology: vyzov filosofii. Materialy kruglogo stola” [Convergence of Biological, Information, Nano- and Cognitive Technologies: Challenge of Philosophy. Materials of the Round Table], *Voprosy filosofii*, 2012, no 12, pp. 3–21. (In Russian)

Shirokanov, D. “Obretenie smysla ili o sudbakh akademicheskoy filosofii” [Finding Meaning, or About the Fate of Academic Philosophy], *Vedy*, 2012, no 20, p. 6. (In Russian)